

...Книга, отрывки из которой мы публикуем,— первый сборник воспоминаний о великом русском актере, его писем, статей, интервью, писем к нему разных людей, от подростков до выдающихся писателей нашего времени. Выпускает его издательство «Искусство».

Вот она лежит передо мной, книга об удивительном таланте быть равно притягательным человеком и артистом. Книге предстоит прорваться к читателю сквозь груды странных обложек, рассыпанных по прилавкам, прикрывающих собой убогое содержимое взбесившегося от безвкусицы и скудоумия книжного базара. А под нашим скромным переплетом — душа России, той самой, о возрождении

которой так много говорят с трибун парламента и уличных митингов. Волнуется мое редакторское сердце в унисон с сердцами двух десятков талантливейших современников, которые составили авторский коллектив во главе с Александром Кравцовым. В добрый путь, книга о великом артисте!

Лидия ИЛЬИНА,
редактор.

ЧЕТЫРЕ МУЗЫ ПАПАНОВА

ТЕРНИИ И ЛАВРЫ КИНО

Анатолий Дмитриевич Папанов во всем могучем объеме своего таланта созрел поздно. И случилось так, что мне пришлось не только видеть, но и сопереживать этот процесс в какой-то степени вместе с ним. Впервые судьба свела нас на студии «Мосфильм» в 1956 году, в подготовительный период моего раннего фильма «Карнавальная ночь». Папанов пробовался на роль директора заводского Дворца культуры Огурцова, того самого, которого в конце концов сыграл Игорь Владимирович Ильинский. Анатолий Дмитриевич мне тогда не понравился: он играл слишком «театрально», в манере, которая, может быть, и уместна в ярко-гротескном спектакле, но противоречит самой природе кино, где едва заметное движение брови — уже более чем выразительная мизансцена. Таким образом, наша первая встреча с Папановым для меня прошла бесследно, а для него обернулась очередной душевной травмой. Кинематограф, всегда грешивший желанием заполучить готовенькое и реже рисковать собственными открытиями новых актерских имен, заинтересовался Папановым, прилежно приглашал на пробы в разные киностудии и так же последовательно не утверждал на роли. Намучившись, Анатолий Дмитриевич пришел к трагическому выводу, что в кино он непроходим.

В 1961 году, готовясь к съемкам фильма «Человек ниоткуда», я все-таки решил вернуться к Папанову, предложил ему не одну, а сразу четыре роли, объединенные в титрах общим названием «Крохалев и ему подобные». Крохалев — ученый-доктринер с окаменелой душой, а то, что именовалось «ему подобными», — разновидности того же социального типа: зазнавшийся и тупой Спортсмен, Актер-прохиндей и, наконец, Вождь людоедского племени. Пароль у них один: они хотят спокойно жить, малейшая новизна их корбит. Но при некоем общем стержне это — четыре совершенно разных характера.

Казалось бы, привлекательная для характерного актера-сатирика задача Папанова, однако, не заразила. Он поставил крест на себе в кино и считал это дело заранее обреченным. Мне пришлось буквально втащить его на киностудию. Я знал, на что иду. Но и он понимал, что предстоит нелегкая работа, в какой-то степени даже ломка себя. Нам пришлось искать много и упорно, снимая наигрыш, театральное форсирование речи, пластики, мимики, вместе с тем не нарушая лучшее, что есть в актере. Анатолий Дмитриевич, к счастью, был лишен болезненных актерских амбиций и шел за режиссером с необыкновенной симпатией и доверием.

У меня после «Человека ниоткуда» начался «папановский период» в творчестве.

В кинокомедии «Берегись автомобиля!» на долю Анатолия Дмитриевича отпала роль Сокола Кружжина, отставного военного со всеми положенными ему по рангу привилегиями. Поверхностные рецензенты фильма пытались затолкать этот персонаж в компанию так называемых «отрицательных». По нынешним временам он должен восприниматься вполне прогрессивным: человек на своем участке возделывает свою клубнику и продает ее ближним, да еще и по «отпущенным» ценам. Мало того, он не терпит взяточничества и презирает иждивенчество взрослых и трудоспособных людей, даже если этими пороками наделены его собственная дочь и зять. Наконец, Сокол Кружжин в зале суда вопит: «Свободу Юрию Деточ-

кину!», то есть тому человеку, который угнал и продал автомобиль его зятя. Есть в отставном Соколе солидная доза демагогии — так ведь в ком в годы развитого социализма этого качества не доставало? Однако Кружжина можно было без особого труда превратить в фигуру отталкивающую, и, понимая это, я твердо надеялся, что своеобразное папановское обаяние спасет роль от такой беды.

Хвалю себя за это, поскольку скоро выяснилось, что Папанов в картине «Берегись автомобиля!» создал одну из лучших своих ролей, а его разительный крик «Свободу Юрию Деточкину!» обрел общепонятный смысл и ушел с экрана на улицы, в поговорку, подобно фольклору.

Творческий роман кинематографа с Анатолием Дмитриевичем Папановым начинался трудно, но вспомним, что настоящая, прочная любовь никогда не зарождается легко.

Эльдар РЯЗАНОВ,
кинорежиссер.

В СПОРЕ С МЕМОРИАЛОМ

...В любом трапезном клубе, в любом эстрадном сарае он тратил себя, как на просмотре театральной общечеловеческой общности.

Однажды мы играли «левый» концерт. Сейчас, в пору разгара всякого рода эстрадных кооперативов, многие узнали, что такое «левый» концерт. «Приезжайте,— говорят,— покажитесь только и получите деньги, не отходя от кассы!» — это и есть формула «леваков». Выступали мы в тот раз в некоем городе Н., в большой столовой самообслуживания. Зрители — немногие работники «общепита». А за стеклянными стенами — толпа тех, кого они обычно обслуживали. Хотя нам сказали, что будет чуть ли не весь «общепит» города. Словом, предприимчивые люди сделали себе подарок в виде такого вечера. А мы с Папановым и Мироновым, поочередно, дуэтом и трио выходя из помещения мойки, что-то читали им, играли, шутили. Ситуация нам, естественно, не понравилась, и я сократил программу до минимума. То же самое сделал и Андрей. Но Толя, волнуясь, вышел к этой более чем скромной и далеко не праздничной аудитории, как на сцену Кремлевского Дворца съездов или Центрального концертного зала. Он исполнил всю свою программу. С полной отдачей.

Концерт его обычно заканчивался странным четверостишием:

Не знаю, сколько жить
еще осталось,
Но уверяю вас,
мои друзья:
Усталость можно
сохранить на старость —
Любовь на старость
отложить нельзя.

Все это произносилось с таким темпераментом, что зрители нередко вставали с мест, аплодируя.

Я поинтересовался, почему он выбрал для финала такие стихи. Он ответил: «Потому что в самом деле считаю, что уставать и не любить нельзя».

Шутки его разносились моментально. Особые, папановские шутки с тонким, хлестким юмором.

На гастролях в Болгарии, помню, все чувствовали себя ответственно, подтянуто: как-никакая, а все-таки заграница. В сопровождении гостеприимных хозяев и под любопытными взглядами населения отправились мы к особо чтимому памятнику. Георгий Павлович Менглет, добрейший человек и замечательный артист, понял, что надо делать —

утер слезу. Толя, шедший рядом, ему говорит: «Георгий Павлович, это Иван Вазов — давно дело было». Менглет-то считал, что там более свежее захоронение — потому и ведут. В том же маленьком городке, Враца, случилось нам испытать чувство ужаса. Актеры нашей труппы выходят из автобуса, а площадь запружена болгарскими пионерами. И вся огромная ребячья орава вопит: «Ну, погоди!» Мы дрогнули, но видим: никто из кричащих не обращает на нас ни малейшего внимания — все смотрят на Папанова. И, стало быть, наш театр ассоциируется у них только с мультфильмовским сериалом. Как прошла процедура приветствия, а потом вышел к микрофону Анатолий Дмитриевич. Он произнес только одно слово: «Ну...» И вся площадь — в ответ: «Погоди!» И так — бесчетное количество раз. Мы сообразили, что Толя завелся и первым не уступит, бросился к нему, еле оттащили от микрофона. Площадь ликовала...

Боясь, что и мой портрет Папанова окажется мемориально-умильным, если не добавить к нему, что был он человеком сложным. Видел я его и страшным во гневе, и добрым, и сентиментальным, и замкнутым непроницаемо. Видел, как он не терпит уличной узнаваемости, надевая темные очки за рубль семьдесят. Кепка на нем казалась вечной и неизменной. Едва услышав восклицание в свой адрес, быстро сворачивал в подворотню или переходил на другую сторону улицы...

Александр ШИРВИНДТ,
актер.

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОГО

С фильмом «Холодное лето пятьдесят третьего» мне пришлось поездить и по нашей стране, и за океан. За три первых месяца картину посмотрели 34 миллиона зрителей, и я с уверенностью могу удостоверить, что все они оказались горячими и верными поклонниками творчества Анатолия Дмитриевича Папанова. Дальнейшие встречи с его почитателями уже перестали меня удивлять — я понял, что он был поистине народным артистом СССР. Впрочем, с большим волнением я и мои товарищи убедились в том, что и в далеких США кинозрители реагировали на творчество Папанова доверительно и сердечно...

Встречи с Папановым не то что побавлялись, но казалось, что уж очень он знаменит, прочно стоит на земле, имеет громкое имя в искусстве. Было даже смутное ощущение, что есть в нем некая отчужденность от малоизвестных людей, подозрительность и — вы уж простите, не хочу крикнуть душой — самодовольство. Словом, надумал я себе встречу с этим «Волком» от искусства. А выяснилось, что передо мной — поразительно тонкий и обаятельный, до щепетильности деликатный человек, скромный до ранимости. Что касается бремени всенародной славы, то он нес его с достоинством, считая, что эта слава его обязывает, а звание «народный артист» означает принадлежность своему народу.

В процессе съемок мы убедились, что это значит. Снимали натуру в Карелии, в ста восьмидесяти километрах от Петрозаводска, в довольно глухой деревне, расположенной на полуострове. Неделю работали нормально. Жители нам по мере сил помогали. И никаких неожиданностей не предвиделось, поскольку деревня изолирована с трех сторон водой. Через неделю на-

ступает первый съемочный день Папанова. Он приехал вовремя, начинаем снимать и... Ничего не могу понять, куда ни направим камеру, в видеискатель лезут посторонние лодки. Много моторок. И все движется в нашем направлении. А какие могут быть моторки в 53-м году? Стреляем из ракетниц, кричим против ветра в рупор — бесполезно: со всех сторон на нас несущиеся моторные лодки. Приближаются, причаливают, и мы видим: в каждом суденышке по 2—3 ребенка с дедом или бабушкой, а у каждого ребенка — книжки или тетрадки. И все, оказывается, приехали на встречу с «Дедушкой Волком». Мы сдались и прервали съемки. Правда, киношная администрация в свойственной ей суровой манере пыталась применить «прессинг по всему полю», но вмешался Анатолий Дмитриевич: «Что вы, что вы! Давайте лучше соберемся как-то вместе!» Собрались, рассказали детей. Он каждому что-то написал, для каждого нашел свои слова. Я наблюдал эту сцену, забыв о дорожной цене сорванного съемочного дня. Видел по лицам этих детишек, что они на всю жизнь запомнят встречу с человеком бесконечно доброго сердца. И, главное, видел лицо самого этого человека. Не забыть его до последнего часа...

Александр ПРОШКИН,
кинорежиссер.

Н. Ю. КАТАЕВОЙ-ПАПАНОВОЙ

Дорогая Надя!
Надежда Юрьевна!

...Словами-то, наверное, я об Анатолии Дмитриевиче сказал бы горячее и лучше, чем на бумаге, но раз много способов не остается, скажу главное: Папанов — явление чисто российское, по-русски естественное настолько, что он даже из ролей, вроде бы чуждых его природе, делал подлинно узнаваемый характер — генерал Серпилин, отставной полковник в кинофильме «Берегись автомобиля!», политический зек в последнем его фильме «Холодное лето...» Эту роль вообще только он и мог «вытянуть», вдохнуть в нее жизнь, потому как в сценарии она вся деревянная, сколоченная, будто табуретка неумелым столяром, когда все гвозди наружу и доски не струганы. Анатолий Дмитриевич сделал роль не просто значительной, но и сам фильм поднял на художественную высоту, где уже светится искусство...

Я мало видел его в театре — не повезло, но и там, в какой-то пустяковой пьесе из жизни домкома он сотворил такую конфетку, что оближешься и от хохота слезы текут.

А еще его умение перевоплощаться от вечного волка до проникновенного, какого-то небесного прикосновения к стихам Тютчева — и это при его-то, вроде бы совершенно «не театральном», скорее биндюжной дикции! Какое редкое свойство таланта — обернуть недостатки природы на пользу своего искусства: грубую, нескладную внешность, голос, лишенный театральной изысканности, — и из всего этого сотворить не только достоинство, но и творческую индивидуальность, неповторимую и неподражаемую самобытность. Никогда и никто не сможет подражать Папанову. Его даже пародировать невозможно, хотя на первый взгляд кажется, кого и пародировать-то? Но эта редкость из тех, что близко лежит, да брать далеко...

Виктор АСТАФЬЕВ,
писатель.

Фото В. Кузнецова.